

Большая помертная книга композитора Георгия Свиридова «Музыка как судьба» первый раз вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 2002 году. Она сразу стала фактически настольной у многих, ждавших её. В ней, составленной из «Разных записей» (девятнадцати тетрадей), дневниково охватывающей десятилетия, виден непростой внутренний путь художника, словно разгребавшего завалы безбожной русской жизни советского периода, о котором Свиридов с какого-то момента стал говорить как о времени геноцида русского народа и православия.

В своих записках великий композитор выступает как значительный русский мыслитель, острый публицист. Суждения его пронзительны, резки и глубоки, обусловлены сердечной думой, болью за Россию, русскую жизнь, русскую культуру. Читая Свиридова, вспоминаешь и «Окаянные дни» И. Бунина, и «Мысли о России» Ф. Степуна, и «Опавшие листья» В. Розанова. Изданные близкими и исследователями уже по кончине композитора, с напутствием А. Солженицына, записки эти, по меткому замечанию одного из московских учёных, являют собой «свод глубоких и страстных размышлений о духовной жизни эпохи, и по тону они даже вызывают в памяти пламенное, бескомпромиссное слово протопопа Аввакума».

Книга сразу стала библиографической редкостью, вызвала воистину шквал эмоций, что называется, с «обеих сторон», явившись внятним индикатором непреодоленного векового раскола в русском обществе, резко обострившегося в 1917 году.

Валентин Распутин, развивая самоопределительную реплику Свиридова «воспеть Русь, где Господь дал и велел мне жить, радоваться и мучиться», высказал важную мысль: «Именно для того чтобы проложить дорогу Гаврилину, озвучить Есенина и Блока, заново прочитать Пушкина, подхватить умолкнувшие песнопения и молитвы, для того чтобы не закрался „пустырь“ в души, и был „отставлен“ Свиридов из XIX в XX век». И—о книге дневников русского гения: «Свиридов как мыслитель, наблюдатель, человек огромной культуры, не только русской, но и мировой, „расшифровал“ для нас так много в искусстве, жизни,

в известных личностях, событиях прошедших и текущих, даже в Родине нашей, которую, оказалось, мы знаем мало; так точно сказал он о красоте и таланте, о чистом и святом в художнике и вокруг него и так решительно отделил талант от соблазна, чистый порыв от модного искушения, что великой этой книге великого автора полагалось бы сделаться настольной для всякого, кто ещё не предался окончательно чужим богам в понимании прекрасного в искусстве».

Второе издание, коего ждали очень многие, состоялось через полтора десятилетия (серия «Библиотека мемуаров: Близкое прошлое»). И это ожидание, и сам факт выхода, и реакция на него словно опровергли суждение академика Д. Лихачёва: «Георгий Васильевич Свиридов—русский гений, который по-настоящему ещё не оценён». И подтвердили вторую часть этого высказывания: «Его творчество будет иметь огромное значение в грядущем возрождении русского народа».

В промежутке между двумя изданиями был выпущен замечательный сборник «Георгий Свиридов в воспоминаниях современников», вышедший в той же «Молодой гвардии» в 2006 году с предисловием В. Распутина.

Нынешний том включает и новые, прежде не публиковавшиеся тексты, а также комментарии, подготовленные музыковедом, президентом Национального Свиридовского фонда А. С. Белоненко и ведущим научным сотрудником Института мировой литературы РАН С. А. Субботиным.

Александр Сергеевич Белоненко, племянник композитора, на мой прямой вопрос, чем второе издание отличается от первого, ответил в частном письме: «Книга обновлена за счёт новых, более обстоятельных комментариев, которые мы поместили теперь в пристраничных сносках, а не в конце книги, что затрудняло чтение. Есть новые тексты двух маленьких тетрадок 1963 г., которые дают возможность проследить за некоторой эволюцией взглядов Георгия Васильевича по музыкальным, да и не только, вопросам, особенно что касается, например, творчества Д. Д. Шостаковича, а также тетрадь 1984 г. Эта тетрадь восполняет лауну между записями тетрадей 1982 и 1987 г. В этой тетради есть, на мой взгляд, любопытные мысли

для литераторов (некоторые новые соображения относительно Клюева, Есенина, Маяковского, Блока). Красной нитью в этой тетради проходит мысленный диалог Г. В. с В. В. Кожинным, чью книгу о русской поэзии Свиридов внимательно читал, и эта книга вся исчеркана вдоль и поперёк. Причём он не только соглашался с Кожинным, но и критиковал некоторые его соображения».

Остановимся кратко на некоторых страницах книги Свиридова, относящихся к дневникам 1984 года.

Главка «Активная бездарность как производное Зла»:

«Из бездарности человека, занимающегося художественным творчеством, и из сознания этой бездарности, того, что он бессилён пополнить сокровищницу мира своими деяниями и трудами, проистекает подчас испепеляющая ненависть интеллигента к культуре и даже миру. Заметьте — простой человек, рабочий, например, имеющий дело с созиданием, вряд ли когда говорил и говорит о всемирном разрушении и т. д. Это — дело так называемых „интеллигентных“ людей. Анархисты — Бакунин, Кропоткин, Равашоль, фашист Маринетти, нигилисты Маяковский и А. Белый... Даже Махно — не мужик и не рабочий — учитель! Особенно много „разрушителей“ было и есть в творческой среде. Искусство вообще несёт колоссальную ответственность за умонастроения общества. Так называемый „авангардизм“, богато субсидируемый, умело направляемый и железно руководимый, много сделал для ужесточения людских душ, он подготовил моральную почву для появления атомной бомбы, заранее оправдал её применение.

Авангардизм — органическое самовыявление Зла, бездарности, неспособности создания прекрасного. Это — псевдоискусство, которое внушает нам, что мир безобразен и разрушение и даже утрата его — естественны и закономерны. Идея людей, направляющих подобное „искусство“, — организация гигантской кровавой бани для всего человечества. Сами они пытаются этой бани избежать. Для этого у сверхвладык есть много возможностей».

Разве скажешь, что эта запись от первого февраля 1984 года — не про сегодняшний день, не на нынешнюю именно что злобу дня, в самую зеницу этой злобы?

Непривычно и нелицеприятно Свиридов порой говорит и об общепризнанных гениях в области культуры и искусства.

«Врубель — умозрительно декоративные композиции. Его гений заключён в его безумии, уничтожившем первоначальный рационализм замысла (рациональную задумку) и дававшим выход бессознательному...»

Чудесно сказано и о глубоко любимом им Блоке, на стихи коего композитор создал немало

вокальных сочинений: «Он самым высоким образом оценил „Хованщину“ (впервые тогда поставленную, назвав её той тропинкой, над которой летит дыхание Святого Духа)...»

Или вот это, очень важное, на мой взгляд, от четвертого февраля того же года: «Культура русского стиха, начиная с Пушкина и его современников, шла рука об руку с культурой русского романа, которую начали создавать Глинка, Алябьев, Варламов, Гурилёв, Верстовский. Чайковский писал на слова Апухтина, А. К. Толстого, К. Р. Фета, Случевского, Мея (далее перечисляется большой ряд создателей русских романсов. — С. М.)... Романс — явление неоднородное, следует разделять в нём: образцы высокого, классического искусства, бытовой романс, лакейскую песню («Всю-то я Вселенную проехал...»), цыганское пение (с хором), «жестокий» романс (песня городских низов) и т. д.»

В год столетия «революции» мы въяве видим подтверждение правоты нашего великого прозорливца, прямо терминологически выраженной, — как для адски «европеизирующейся» Украины, так и для Российской Федерации: «Симфония — искусство буржуазного индивидуализма (говорю это, разумеется, без какого-либо желания „опорочить“ великое), особенно активно стало выдвигаться у нас после революции, в связи с общей идеей „европеизации“, „германизации“ русской культуры и идеологии, которая отождествлялась с самодержавием и православием. Этот процесс активно продолжается и теперь».

При этом про великого музыканта эпохи, титана русского симфонизма Свиридов находит и такие слова: «Жизнь Шостаковича — это жизнь борца... Я хотел бы прежде всего сказать о его непреклонном мужестве, вызывающем глубочайшее уважение. Мягкий, уступчивый, нерешительный подчас в бытовых делах — этот человек в главном своём, в сокровенной сущности своей был твёрд как камень. Его целеустремлённость была ни с чем несравнима».

В размышлениях «О рекламе» Свиридов выдаёт такое суждение: «„Салон“ приобрёл размах общегосударственный». И общемировой, добавим мы. А уж если посмотреть наши телеканалы!..

Двадцать четвертого января мыслитель записал: «Ложь вошла в сознание людей как правда. Вот в чём ужас!»

Сказано очень вдумчиво и по сути верно и может быть воспринято как трезвое продолжение посылов Вернадского и Циолковского: «Так называемое завоевание Космоса есть всего лишь один из новых способов завоевания Земли. Пока — не более того».

Запись «О большом и малом чувстве Родины» следует привести целиком:

«В наши дни (кажется, с руки Твардовского) распространилось малое, „местническое“ чувство

Родины как чего-нибудь приятного, симпатичного, милого сердцу: две-три берёзы на косогоре, калинка, палисадник, баян вдалеке, сирень в городском саду, деревенская околица и пр. Всё это, разумеется, очень симптоматично, но совершенно ничтожно.

Понятие Родины — очень объёмно, оно — всеобъемлюще, грандиозно. Оно включает не только всё, чем ты живёшь, но и самый воздух, которым человек дышит, его прошлое, нынешнее и грядущее, где суждено жить и нам (как и людям прошедших поколений) своими потомками, своими делами, хорошими и дурными.

Родина — это совсем не только симпатичное и приятное, но и горькое, и болезненное, а иногда и ненавистное. Всё есть в этом понятии, в твоём чувстве к ней, без которого жизнь почему-то теряет смысл. Во всяком случае, для меня... а между тем многие люди (русские) живут совсем без Родины, видимо, она составляла лишь малую часть их жизни, и, потеряв её, они мало потеряли».

Егор Холмогоров в статье «Творить по-русски», опубликованной по выходе нового издания, говорит, что язык Свиридова сочен и образен, подмечает: для этого гения культура — не пространство личностного самовыражения, а великое служение национальному духу. Публицист приводит дневниковое высказывание композитора, актуальность которого вызовет у многих радостное удивление: «Я русский человек! И дело с концом. Что ещё можно сказать? Я не россиянин. Потому что россиянином может быть и папуас. Во мне течёт русская кровь. Я не считаю, что я лучше других, более замечательный. Но вот я такой как есть — русский человек. И этим горжусь... Надо гордиться, что мы — русские люди!»

Публицист подчёркивает, что свиридовский отказ от утмовования вовсе не означает отсутствие осмысления, и поражается тому, насколько и целно, и продуманно философское мировоззрение Свиридова, «мало того — богословское», которому подчинена его эстетика. «Прежде всего это сто процентное православие, глубокая и искренняя, сознательная вера в Бога, — настаивает Е. Холмогоров. — Западная музыка — музыка смерти, она не идёт дальше распятия, русская музыка устремлена к Воскресению, замечает композитор... Самые острые и болезненные рассуждения маэстро, где его талант достигает великой публицистической силы, связаны именно с отчуждением русского человека от родной культуры, произошедшим в XX веке под влиянием революции, безбожной диктатуры, под крылом которой размножились космополитические легионы». И цитирует Г. Свиридова: «Эти люди ведут себя в России как в завоеванной стране, распоряжаясь нашим национальным достоянием как своей собственностью, частью его разрушая и уничтожая несметные ценности».

Книга нашего русского гения «Музыка как судьба» — в самом деле, хоть и пронизана болью и потому нелегка для восприятия, всё же обязательна к прочтению.

Вот, к примеру, запись из тетради 1991 года — суждение о большевиках, истязавших народ России: «Они посадили его, этот народ, на железную цепь, бесконечно унижая его, третируя, истребляя его святыни, его веру Православную, его культуру, а главное — сам этот народ, который служил своей безликой массой своим палачам и тиранам, кровью своею питая их чудовищную, беспощадную власть. Падение России — как смерть Христа, убитого римлянами и евреями на наших глазах. Теперь эти собаки делят его тело и одежды. Кроют карту мира».

Строго? Но ещё Патриарх Московский и всея Руси Алексей II заметил: «... Свиридов — такой художник, который заслужил право высказывать свои мысли».

Ценный материал для понимания душевного состояния великого композитора мы находим в его сравнении своей судьбы с жизнью первых христиан в древнеримских катакомбах, среди языческого бесчестья. Запись сделана накануне августовских событий 1991 года: «Это не жизнь, а „Ночь на Лысой горе“ — шабаш зла, лжи, вероломства и всяческой низости. Всё это происходит на фоне кровопускания, кровопролития пока ещё скромных масштабов, но имеющий глаза да видит: в любой момент может политься большая кровь, за этим дело не станет!»

В 1993 году за кровью дело не стало. Но за истекшее двадцатилетие эти полярности в русском обществе, похоже, лишь возросли. Внешне мы вроде бы видим восстанавливающиеся и ново строящиеся храмы, отсутствие гонений на веру, но свидетельствует ли это о подлинном духовном возрождении? Особенно если взглядеться, что же происходит в культуре, на телевидении, в печатных СМИ, на эстраде.

Когда читаешь у Свиридова: «Россия — это колония», — то вздрагиваешь, поскольку возразить и сегодня по сути нечего. Мы находимся под игом и гнётом транснациональных корпораций, расчленивших нашу Империю в её советской редакции и выкачивающих недра и ресурсы глобалистским насосом, а также осуществляющих, с целью более уверенного порабощения, гигантское растение русских душ.

Свиридов провидчески писал в 1991 году: «Мы переживаем эпоху третьей мировой войны, которая уже почти заканчивается и прошла на наших глазах. Страна уничтожена, разгрызена на части. Все малые (а отчасти и большие) народы получают условную „независимость“, безоружные, нищие, малообразованные. Остатки бывшей России будут управляться со стороны — людьми, хорошо нам известными. Русский народ перестает существовать».

как целое, как нация. <...> Как быстро всё произошло. С какой быстротой оказалась завоевана „Великая“ держава. Чудны дела Твои, Господи. Начальные деятели перестройки, заработавшие миллионы и миллиарды на этом страшном деле, частично переселились в Америку. Подготовка тотальной войны велась здорово: всеми средствами массовой информации, дипломатией и прочим. Угодили в „крысоловку“.

И тем не менее—надежда: «Христос Воскресе! Смотрел по телевизору выступление перед заутренней Патриарха—грустное, но спокойное, потом водружение Святого Креста на купол Казанского собора... Боже, неужели это не фарс, а подлинное Возрождение, медленное, трудное очищение от Зла?!»

Книга Г. В. Свиридова «Музыка как судьба» приходит ко мне если не мистическим образом, то как послание. Первое издание—было подарено её научным редактором, на обороте титульного листа оставившим волнующую надпись: «Станиславу Минакову, чьи стихи были памятны великому автору этой книги. С. Субботин. Москва, 22 марта 2003 г.». Новое издание передал мне в подарок из свиридовского Курска лучший, на мой взгляд, исполнитель вокальных произведений Свиридова, солист европейских оперных театров москвич Владимир Байков. С благодарностью думаю об этих людях, читая Г. Свиридова: «Русская культура всечеловечна, обращена ко всем людям Земли, выполняя самую насущную свою задачу—питать душу своего народа, возвышая эту душу, охраняя её от растления, от всего низменного».

В книге Свиридова есть и такие философские строки:

«Ни простота, ни сложность сами по себе не представляют ценности. Однако же говорят: „Божественная простота“,—и я никогда не слышал, чтобы говорили: „Божественная сложность“. Сложность есть понятие человеческое, для Бога

же мир прост. Простота является как следствие неожиданного озарения, откровения, наития, внезапного проникновения в истину. Но никто теперь не хочет быть простым, боясь прослыть „примитивным“».

«Слово и музыка, литература и музыка, музыкальное произведение может существовать только тогда, когда оно добавляет нечто к стихам или литературному сочинению. Иждивенчество: комиксы—вульгарный вкус и тон... Неточная, очень неожиданная и оригинальная рифма, которую теперь во множестве употребляют современные поэты, от какового употребления она становится либо заезженной, либо вычурной... Задача композитора совсем не в том, чтобы приписать мелодию, ноты к словам поэта. Здесь должно быть создано органичное соединение слова с музыкой. В сущности, идеалом сочетания слова и музыки служит народная песня».

Печально, что столетний юбилей композитора прошёл в декабре 2015-го практически незамеченным СМИ. Это вам не сплетни обсуждать в ток-шоу на центральных телеканалах и не «праздновать» полувековые юбилеи поп-звёзд, по три-четыре дня подряд заливая центральные телеканалы «контентом» попсы. Тут—огромные зрительские рейтинги. А слушать Свиридова—большой труд души. Музыковед М. Залесская в статье «Пророк в своём отечестве» («Российская газета») с горечью напоминает, что в наших столицах до сих пор нет ни музея, ни памятника великому Свиридову, нет даже мемориальной доски, увековечивающей его память.

Урусского композитора Георгия Свиридова были свои «сто лет одиночества», видимо, присущие любому гению. Оттого он писал: «В своей профессиональной среде я—пария, чужой человек».

И всё же через два десятилетия по кончине наш русский гений приближается к нам, спасибо издателям.